

Въ былое время почти во всей Н-ской губерніи никто не слыхивалъ о пожарныхъ машинахъ и прочихъ способахъ тушенія пожаровъ, а только, съ незапамятныхъ времёнъ, существовалъ обычай бить тревогу въ церковные колокола, которые, особенно по ночамъ, наводили ужасъ на всѣхъ обывателей городовъ и селеній. Мало-помалу стали вводить по городамъ трещотки; на крышахъ маленькихъ деревянныхъ домовъ стали появляться кадки съ швабрами, кадки окрашенные и неокрашенные, съ водой и безъ воды; заводились и машины. Но, несмотря на эти строгія мѣры, пожары бывали и бываютъ, и бдительное начальство, сваливая вину на лиходѣевъ, неусыпно заботится о томъ, чтобы всѣ заблаговременно припасали средства къ тушенію пожаровъ.

Каковы эти мѣры и дѣйствительно ли начальство увѣрено, что жители городовъ и селеній обезопасили себя отъ раззоренія отъ пожаровъ, я расскажу два факта.

Разъ въ подгородномъ волостномъ правленіи получилась бумага такого содержанія: «Въ видахъ охраненія интересовъ обывателей, предписывается Подгородному волостному правленію немедленно приступить къ

постройкѣ пожарнаго депо и содержать изъ обывателей постоянно исправную пожарную команду».

— Что жъ это? — спросилъ волостной старшина писаря, выпучивъ глаза.

Писарь, прочитавъ, молча передалъ старшинѣ бумагу.

— Какъ ты смѣняешь?.. Не сходить ли къ отцу Якову? — говорилъ старшина.

— Постой... Это, чать, подать новая... Надо собирать.

— Чего?.. съ кого собирать-то? за что?

Пошёлъ старшина къ отцу Якову; тотъ сказалъ:

— Что-то, братъ, мудрено... Въ первый разъ слышу... Ты бы спросилъ станового.

— Боязно... Ты бы, отецъ Яковъ, похлопоталъ; мы ужъ всѣмъ міромъ тебѣ...

Становой приставъ былъ человѣкъ старый. Онъ тоже получилъ предписаніе объ этомъ предметѣ и уже отписалъ своему начальству, что «всё обстоитъ благополучно, и, по розыскамъ его, виноватыхъ въ пожарахъ не оказалось, а насчётъ сбора, упомянутаго въ предписаніи, онъ употребить всё своё стараніе».

Старшина ничего не предпринялъ, а цѣлую недѣлю читалъ бумагу и совѣтовался съ писаремъ; наконецъ, сталъ собирать съ крестьянъ деньги.

— Палата требуетъ... Амбаръ, слышь ты, хочетъ строить, чтобы туда воровъ садить, кои по дорогамъ бѣгаютъ, — объяснялъ старшина крестьянамъ.

— Какихъ воровъ?.. А становой-то что? Это съ насъ други деньги просить, — галдѣли крестьяне.

— Слышь, въ бумагѣ что писано: воры, бають, домá зажигаютъ.

— Эко дѣло! А у насъ, Богъ милостивъ, когда дома-те горѣли?.. Читай бумагу.

Старшина прочиталъ.

— Война! — рѣшили крестьяне.

— Безпримѣнно война... Только что же пожары-то тутъ?.. Строить, слышь ты, велѣно чево-то!

Такъ ничѣмъ и не рѣшили. Приѣхалъ въ село самъ управляющій палаты имуществъ и спросилъ старшину о

пожарныхъ машинахъ и депо; тотъ въ ноги поклонился начальнику:

— Помилосердуй... Ослободи...

Управляющій назначилъ новаго старшину, и черезъ два мѣсяца въ волостномъ правленіи былъ полученъ указъ съ планомъ на постройку пожарнаго депо. Старшина объяснилъ, что начальство требуетъ построить избу на самомъ тракту, въ срединѣ села.

— Почто же это? — спрашивали крестьяне.

— Поди, спрашивай начальство-то!.. Велѣно.

— Походь, бають, будетъ: солдатъ повезутъ; такъ велѣно избу строить, — объяснилъ писарь.

— Наказанье! Ишь, прежде солдатъ-то по избамъ размѣщали, а теперъ особо хотять... Это ладно. А кто избу-то будетъ строить?

Однако мало-помалу построили избу. Изба не годится, построили по плану изъ досокъ невысокое зданіе безъ оконъ, съ двоими дверьми, стѣны покрасили жёлтой краской, а крышу красной. Обыватели любятъ новую доминой и ждуть: что-то будетъ? Вотъ становой посадилъ въ неё двухъ конокрадовъ и караулъ приставилъ къ дверямъ; немного погодя общество наказало розгами въ амбарѣ своего члена.

Вдругъ привезли въ село машину. Всѣ обыватели собрались къ этому чуду, но близко подойти боятся.

— Подойдите, эта штука пожары тушить, — сказала привёзшій машину.

— Ишь ты!.. Тутъ, поди, грѣшникъ (преступникъ) самый страшный сидитъ.

Наконецъ привёзшій машину сталъ пробовать: вода далеко брызнула.

Обыватели хохочутъ, ругаются, и каждый старается по-пробовать, но, на первыхъ порахъ, было страшно подойти.

Эту машину никто не взялъ, а заперли её въ амбаръ на ночь и караульныхъ приставили.

— Уйдётъ.

Наконецъ и запирать её перестали: не уйдётъ, потому сама ишь какъ плещется.

Однако становой эту машину взялъ къ себѣ.

Пріѣхаль новый становой приставъ, сталь требовать машину — не оказалось.

— Убѣгла, — отвѣчалъ старшина, и это подтвердиль тѣмъ, что она даже шевелится сама! Убить хотѣли, да боязно, какъ бы грѣха какого не случилось!

Новый становой убѣдилъ подгородныхъ жителей, что они должны постоянно держать въ амбарѣ бочку съ водой, двѣ лошади...

Задумались обыватели надъ такой новинкой: для чего же это лошади, да ещё бочка?.. Диво. Однако бочку достали, вкатили въ амбаръ, а лошадей никто не хотѣлъ дать.

Такъ и стоялъ этотъ амбаръ на тракту, а если кто изъ проѣзжающихъ спрашиваль: а это что такое? — ему отвѣчали: для пожару. Но въ амбарѣ была только одна пустая, новая бочка. Зато когда въ село пріѣзжало начальство, то въ депо стояли на дровняхъ бочка съ водой, машина и двѣ лошади.

— Молодцы, молодцы, благодарю... — говорило начальство и уѣзжало.

Случился въ селѣ пожаръ. Загорѣлся сарай. Всѣ перепугались, побѣжали къ горящему дому, горѣлъ уже другой домъ. Воды въ селѣ близко нѣтъ, поэтому обыватели стали ломать избушки, суетились, охали, стонали, а колоколь на церкви ещё болѣе раздиралъ слухъ. Становой, прибывши на пожаръ, кричалъ:

— Машину, скорѣй! бочку!

Но эти слова ещё болѣе разстроили обывателей: всѣ побѣжали въ свои дома, толпа забѣжала въ амбаръ, покатила бочку, бочка разсыпалась.

— Вотъ и собирай... Ахъ, бѣда!! — говорили крестьяне.

Становой велѣлъ передрать виновныхъ въ изломаніи бочки. Привезли отъ станового машину. Машина безъ воды... Становой плюнулъ и велѣлъ везти назадъ машину: ещё испортятъ, — подумаль онъ.

Сгорѣло пять избъ; старались всѣ, но пользы не было... Въ пожарномъ депо и теперъ днёмъ бѣгають четвероногія животныя. Теперъ въ него уже не садятъ виновныхъ,

потому что одинъ выломаль доску и убѣжалъ; только страницы по ночамъ отдыхаютъ въ нёмъ.

Былъ я въ Ч. Тамъ, на крутомъ берегу рѣки, я сидѣлъ съ квартальнымъ надзирателемъ и ещё однимъ приѣзжимъ чиновникомъ. Сидѣли мы, толковали о чёмъ-то; однимъ словомъ, благодушествовали на просторѣ и отъ нечего дѣлать. Впереди виды великолѣпные, позади насъ высокія крыши. Вдругъ подбѣгаетъ къ намъ солдатъ изъ евреевъ и кричитъ квартальному:

— Пожаръ!

Квартальный опроретью побѣжалъ, сказавъ намъ: бросьте папиросы! Мы, т. е. я и чиновникъ, удивились такому приказанію, потому что находились вдалькѣ отъ строеній, въ самомъ безопасномъ мѣстѣ, да и въ то время уже дозволено было курить на улицахъ. Меня удивило то, что не бьютъ въ набатъ, и мы пошли. Дѣйствительно, надъ домами валилъ густой дымъ, на крышахъ около кадокъ стоять ребята и мужчины и спрашиваютъ другъ друга:

— Не видать?

— Далеко гдѣ-то!..

— Господи, вотъ напасть!..

Пошли улицей; квартальный попался навстрѣчу.

— Лѣсъ горить. Вѣрсть шесть отсюда, — сказалъ онъ, запыхавшись.

Мы пошли; попался намъ исправникъ.

— Гдѣ горить? — спросилъ онъ квартальнаго.

Тотъ объяснилъ.

— Вѣрно ли?

— Самъ смотрѣлъ.

— Нѣтъ, я уже самъ... Не желаете ли, господа? — сказалъ исправникъ намъ; мы пошли.

Вошли въ большой дворъ. Назади двора стоитъ сарай; передъ сараемъ длинная лѣстница привязана къ высокому столбу и походитъ на скворешникъ. Вверху ея стоитъ солдатъ; налѣво, противъ сарая, у заплота стоитъ чугунный чанъ; въ чану воды нѣтъ.

— Гдѣ? — спросилъ исправникъ солдата.

— Далеко... — отвѣчалъ тотъ.

— Это наша пожарная, — сказалъ мнѣ исправникъ.

Я удивился:

— А чанъ на что?

— А въ него мы воды наливаемъ. Ивановъ, что же ты, мерзавецъ, воды не налилъ? Какъ ни поглядишь — всё нѣтъ воды. Да!.. У меня пожарная въ исправности. Вонъ тамъ (и онъ указалъ на сарай) хранятся двѣ машины, а лошадь у меня на квартирѣ.

— Ну а если пожаръ будетъ?

— Такъ что?.. Тогда мнѣ доложить, я велю запретить лошадей, велю ѣхать къ рѣкѣ; да и первыхъ встрѣчныхъ мужиковъ велю остановить и ѣхать за водой: гдѣ хошь достань мнѣ воды! хоть въ подолѣ, да принеси...

— Да вѣдь рѣка-то подъ горой.

— Ничего... У насъ пожары рѣдки... Да и мы дѣйствуемъ отлично: другому дому не дадимъ сгорѣть, по брѣвнышкамъ разберёмъ.

— Ну а эта лѣстница?

— Я ужъ распорядился, чтобы инвалидные чередовались: эдакъ черезъ часъ бы посматривали; только всё неисправно. Да и на соборной колокольнѣ есть сторожъ, только онъ... да вонъ онъ идѣтъ... Эй! Демидовъ... Ты что не на колокольнѣ?

— Къ отцу Степану ходилъ: обручи набиваль.

— А на колокольнѣ?

— Часы...

Всѣ расхохотались. Часы дѣйствительно тенькали ежеминутно. Эти часы старинные, и на смазку ихъ колёсъ, говорятъ, выходитъ ежегодно цѣлая бочка дѣгтю, и они, вѣроятно, остановятся, потому что въ городѣ не осталось ни одной гари: всѣ ушли къ часамъ.

— Богъ милостивъ! хранить насъ! — говорятъ ч-скіе обыватели.